

Посвящается животным и звездам. Их не беспокоят такие вещи, как свобода воли и бессмертие.

Лишь перечитав «Венеру на половинке раковины», пока готовился к написанию этого предисловия, а также прочтя посвященные ей рецензии и письма, я вспомнил, с каким удовольствием работал над ней.

Предисловие

ПОЧЕМУ И КАК Я СТАЛ КИЛГОРОМ ТРАУТОМ

Филип Хосе Фармер

Когда я сел за пишущую машинку, чтобы начать эту книгу, я был Килгором Траутом, а не Филипом Хосе Фармером. Идеи, персонажи, сюжет и ситуации нахлынули волной, столпившись у порога в моей голове. Ворвавшись внутрь, они закружились вихрем, держась за руки, словно танцоры на сельских танцах или участники морской кадрили. Вот это было веселье!

Шесть недель спустя роман был готов, но все это время музыку транслировали Кант, Шопенгауэр и Вольтер. Дорогим гостем была Эпистемология, почему-то очень похожая на Льюиса Кэрролла. Моя жена знала, что я славно проводил времечко, потому что слышала взрывы моего хохота, долетавшего вверх по лестнице из подвала нашего дома прямо на кухню.

У меня был умеренный творческий разлад с романом, над которым я на тот момент трудился. Работа продвигалась медленно, с частыми остановками. Но,

стоило мне на время отложить этот роман и преобразиться в бестолкового писателя-фантаста Килгора Траута, как я стал писать так, словно был одержим неким падшим ангелом. Кем на самом деле и был бедный старина Траут.

Истоки этого проекта лежат в начале 1970 годов. Тогда я пребывал в безумном восторге от произведений Курта Воннегута. Особенно меня заинтриговал Килгор Траут, присутствовавший в романах «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» и «Бойня № 5». Позднее Траут также появился в «Завтраке для чемпионов», но этот роман тогда еще не был опубликован.

В пятый раз перечитывая «Мистера Розуотера» (в 1972 году, насколько мне помнится), я наткнулся на эпизод, где Фред Розуотер берет в руки одну из книг Траута в отделе порнографической литературы книжного магазина. Это была книга в мягкой обложке (ни один из опусов Траута не вышел в твердом переплете) под названием «Венера на половинке раковины». На задней обложке имелось фото автора, борода того старика, похожего «на испуганного, постаревшего Иисуса», а ниже — краткое изложение «горячей сцены» из книги.

Эпизод, посвященный «Венере», отличается от других, которые описывают сюжеты произведений Траута. Таким образом, Воннегут устами Траута высказывает свои сатирические или ироничные взгляды на нашу земную цивилизацию и природу Вселенной. В «Венере» нет описаний сюжета, а герой известен лишь как Космический Странник. Не считая краткой версии текста на обороте обложки, нет никаких намеков на то, о чем, собственно, эта книга.

В тот момент, когда я перечитывал эту часть книги, из моего подсознания возник некий камертон и пощекотал мои нервные ганглии. Короче говоря, меня посетило вдохновение. Огни зажглись, зазвонили колокола.

«Эй! — подумал я. — Читатели Воннегута считают, что Траут — всего лишь вымышленный персонаж! Что, если бы одна из его книг действительно появилась на полках книжных магазинов? Разве это не снесло бы крышу читателям Воннегута?»

Не говоря уже о моей собственной.

И я подумал: «Кому, как не мне, взяться за написание “Венеры”, ведь я такой же, как и он, бестолковый писатель-фантаст, чья ранняя карьера — точная копия карьеры Траута? Меня облапошивали издатели; даже корпея над книгой, я был вынужден братья за любую работу, чтобы прокормить себя и мою семью, я страдал от непонимания читателями моих произведений и был вынужден терпеть презрение тех, кто считал, что научная фантастика — мусорный жанр без каких-либо литературных достоинств. Основное различие между Траутом и мной заключалось в том, что я, пусть немного, но зарабатывал, и ни один из моих рассказов не появился в пошлых порнографических журнальчиках, где, в случае Траута, они выступали в качестве заполнителей места между фотографиями голых или полуголых женщин. Хотя верно и то, что в глазах широкой публики и кое-кого из ученых мужей научная фантастика была лишь на крохотную ступеньку выше порнографии».

Мое сердце вспыхнуло, как Сверхновая, и я написал Дэвиду Харрису, редактору научной фантастики издательства «Dell» (издателю Воннегута), предлагая написать «Венеру», как если бы это сделал Килгор Траут. Он ответил, что это превосходная идея, и дал мне адрес Воннегута, чтобы я мог связаться с ним и попросить разрешение на такой проект. Я ни секунды не колебался. В конце концов, «Венера» будет данью моего уважения достославному Воннегугу. Я отправил ему письмо, в котором кратко изложил мое предложение. Прошло много месяцев. Никакого ответа. Я отправил еще одно письмо, но вновь долгие месяцы ожидания. Наконец я решил, что мне стоит позвонить Воннегугу. Дэвид Харрис дал мне его телефонный номер.

Чтобы позвонить Воннегугу, мне пришлось собрать волю в кулак. Он был маститый автор, я же был из числа писателей-фантастов, на которых он ранее посматривал свысока. Но, когда я все же набрался смелости позвонить ему, он оказался весьма приятным человеком, лишенным всякого высокомерия. Он сказал, что помнит о моих письмах, хотя и не объяснил, почему не ответил мне. Я вновь обрисовал ему мои идеи и, дабы сломить его сопротивление, сказал, что в немалой степени отождествляю себя с Траутом. На что он отве-

тил, что также отождествляет себя с ним. И что он боится, что люди подумают, что книга будет мистификацией.

Я был сражен наповал. Конечно, это будет мистификация, и люди об этом узнают. Но я взял себя в руки и привел ряд новых доводов. Наконец, он смягчился и дал мне разрешение написать «Венеру» под именем Траута. Я предложил разделить с ним гонорар, но Воннегут великодушно отказался. Лишь потребовал, чтобы в «Венере» ни в коем случае не были упомянуты ни его имя, ни его произведения.

Я поблагодарил его и с воодушевлением взялся за работу. В каком-то смысле я был Килгором Траутом, и я писал такую книгу, какую, как мне казалось, написал бы Траут. При этом я попытался придать тексту, персонажам, сюжету и философии «Венеры» дух Воннегута. В конце концов, Воннегут признался мне, что он также, в некотором смысле, Траут. При написании «Венеры» я был ограничен лишь необходимостью сделать главного героя Космическим Странником и включить в текст расширенное изложение краткой версии «горячей сцены», как то описано в «Мистере Розуотере». Я не стал подражать Воннегугу в использовании куцых слов и предложений типа: «Вошел Дик — вошла Джейн — вошел пес». С другой стороны, я пытался не дать моему тексту стать похожим на прозу Уильяма Фолкнера. Воннегут писал очень простую прозу, потому что был невысокого мнения об умении сосредоточиться и общих литературных и лексических познаниях студентов 1970 годов, которые составляли немалый процент его читателей.

Стоит отметить, что такие писатели-фантасты, как Айзек Азимов и Фрэнк Герберт, не чурались сложных идей и сюжетов, длинных предложений и слов, что не мешало им, однако, пользоваться популярностью у студенчества и широкой читательской публики.

Главный герой «Венеры» получил имя Саймон Вагстафф. Саймон, потому что он был своего рода Саймоном-Простак из детского стишка. И Вагстафф, потому что во время различных сексуальных встреч он, конечно, «вилял» (и помахивал) своим мужским «жезлом». Я также, в отличие от Воннегута, включил в текст много ссылок на литературу и вы-

мышленных авторов. Неважно, что средний читатель их не поймет, и что это оценят лишь литературоведы. Ну, или так мне тогда казалось. Я был слишком непонятен даже для самого образованного слоя ученых мужей.

Многие ли знали, что Сайлас Т. Комбербек, космонавт, поклонник бейсбола (что-то вроде Древнего Моряка) из «Венеры», это псевдоним великого британского поэта Сэмюэла Т. Кольриджа во время его недолгой службы в английской армии? Или что Бруга, любимый поэт Траута, был позаимствован (с разрешения автора) из романа Бена Хекта «Граф Бруга»? И что прообразом самого Бруги, безумного еврейского поэта из Чикаго в духе Ч. Буковски, был друг Хекта, Максвелл Э. Боденхайм, поэт и алкаш из Гринвич-Виллидж 1930 годов? Или что «Венера» изобиловала десятками подобных ссылок на других вымышленных авторов? Кому это было важно, кроме меня?

Большинство инопланетных имен «Венеры» были созданы путем перестановки букв английских или неанглийских слов. Так имя Чворктэп, Chworktap, происходит от слова patchwork, «лоскутное одеяло». Докал — от слова caudal, что означает «имеющий хвост». Планета Зельпст — фонетическое написание немецкого слова selbst, то есть «я сам». Планета Рапрошма — это искаженное французское слово «рапрошман», garrochement, сближение. Планета Клерун-Гофф происходит от немецкого aufklärung, «просвещение». И так далее. Большинство читателей проявляют благоразумие, не заморачиваясь такими словесными играми, но мне они доставили немалое удовольствие. И я полагаю, что Траут, хотя он имел лишь среднее образование, много читал и охотно сыграл бы в ту же игру.

Философская основа «Венеры» касалась свободы воли и бессмертия. В «Завтраке для чемпионов» Трауту хочется вернуть молодость. Да и такая тема, как предопределенность, безусловно проходит красной нитью через многие произведения Воннегута. Воннегут схож с Марком Твеном в том, что он верит (или пишет так, как если бы верил), что в мире все предопределено. Твен считал, что все физические вещи, наши мысли и поведение были механически заданы в тот мо-

мент, когда в начале этой Вселенной первый атом врезался во второй атом, а второй — в третий. И так далее. Воннегут, по-видимому, считает, что причиной нашей беспокойной, пронизанной насилием и жестокостью жизни и иррационального поведения является действие неких «плохих химических веществ».

Мне это интересно, потому что на протяжении пятидесяти восьми лет меня интересовала проблема соотношения свободы воли и преддетерминизма. Однако я считаю, что у людей действительно есть свобода воли, хотя лишь немногие пользуются ею. Возможно, я верю в это, потому что мне самой судьбой было предопределено это сделать. Но, будучи Траутом, я писал так, как если бы Твен и Воннегут были правы в своей вере в преддетерминизм.

В любом случае, Воннегут является абсолютным сторонником преддетерминизма в том смысле, что в его произведениях нет ни злодеев, ни положительных героев. Ни на ком не лежит никакой вины ни за что, даже за самые черные дела, за самый колоссальный эгоизм, дикость, глупость и алчность. Так все устроено и не может быть иным. Только Бог, совершенно безразличный, отвечает за все, но, возможно, даже и не он. Траут придерживается того же взгляда.

Подобно тому, как Элиот Розуотер, мультимиллионер из романов «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер», «Бойня № 5» и «Завтрак для чемпионов», считает, что Траут — величайший писатель из всех, когда-либо живших на Земле, так и Траут в своей «Венере» заставляет героя Саймона Вагстаффа поверить, что Джонатан Свифт Сомерс-Третий — величайший писатель, который когда-либо существовал. У Вагстаффа также имеется и его любимый поэт — Бруга.

В «Венере» кратко описаны сюжеты некоторых рассказов Сомерса, а также цитируются стихи Бруги.

Сомерс-Третий — мое творение, но он внук судьи Сомерса и сын Джонатана Свифта Сомерса-Второго. Те, кто знаком с «Антологией Спун Ривер» Эдгара Ли Мастерса, узнают последних двух джентльменов. (Упомянуты с разрешения наследников Мастерса.)

Один из главных героев Сомерса-Третьего — Ральф фон Вау-Вау (Wau Wau — по-немецки означает «гав, гав!»). Он —

немецкая овчарка, чей интеллект был поднят неким ученым до уровня гениального человека. Ральф также и писатель, и я планировал написать от его лица рассказ под заглавием «Некоторые люди не воняют». Главным героем этой истории был бы писатель Шортер Вондергут. («Шортер» от немецкого «курт», то есть короткий, а Вондергут — от немецкого «фон дер Гут», то есть «с [реки] Гут».).

Таким образом, цикл вымышленных авторов был бы полным. На самом же деле, я под именем Сомерса написал целых два рассказа о Ральфе. Они были опубликованы, но я сомневаюсь, что когда-нибудь напишу полностью весь цикл. Я миновал этот этап. Он доставлял веселье, пока не закончился.

Рукопись «Венеры» отправилась в издательство «Dell» с несколькими моими фотографиями в образе Траута (с большой накладной бородой), избранной библиографией произведений Траута и его биографическим очерком. Все это со скрытой иронией или типа того. Произведенный книгой фурор порадовал меня и изрядно позабавил. У «*New York Times*» даже возникли вопросы по поводу истинной личности Траута. Статья в «*National Enquirer*» «доказала», что «Венеру» написал Воннегут, приводя в качестве аргумента якобы типичные для него сюжеты, персонажей, философию и стиль.

В отличие от меня, мистера Воннегута это не обрадовало и не позабавило. Как я понимаю, его забросали письмами, спрашивая, не он ли написал «Венеру»? Авторы некоторых писем заявляли, что это худшая книжка из всех им написанных. Авторы других — что самая лучшая. Главная же причина недовольства Воннегута заключалась в том, что он неправильно истолковал слова Лесли Фидлера, выдающегося автора и литературного критика, гостя телепередачи Уильяма Ф. Бакли «Линия огня». Темой обсуждения была научная фантастика, и в ходе передачи прозвучало имя Воннегута. Доктор Фидлер, хорошо зная, что «Венеру» написал я, не стал раскрывать ее авторства, а лишь сказал, что я де заявлял о своем намерении написать «Венеру», невзирая на любые препятствия, в том числе, и в лице Воннегута. Сейчас я не помню дословно, что именно он сказал. Однако Воннегут, по-видимому, решил, что Фидлер имел в виду, что я де намеревался написать «Венеру» без его, Воннегута, разрешения. Что-то в этом роде.

Что бы там ни было сказано, но мистер Воннегут рассердился. И, как следствие, не позволил мне написать еще один роман Траута, который я планировал, «Сын Джимми Валентина». Это был бы мой последний роман от имени Траута, но, увы, моим планам было не суждено воплотиться в жизнь. Разумеется, Воннегут имел право не давать мне разрешения на написание этой книги.

Юридически я имел полное право продать «Венеру» киношникам. И когда продюсер обратился с предложением сделать анимационный фильм с участием музыкантов группы «The Grateful Dead», я был в восторге от такой перспективы. Но мистер Воннегут позвонил мне и заявил, что если фильм будет снят, его адвокат, к сожалению, подаст на продюсера в суд. Воннегут добавил, что ему неприятно говорить мне об этом, но поскольку я автор плодовитый, то те деньги, которые могла бы мне принести эта сделка, я заработаю книгами. Опять же, у него было моральное право заблокировать это предложение. Тем более что я сильно сомневаюсь, что из этой затеи что-нибудь вышло бы. Я получил от Голливуда более сорока заявок на экранизацию моих произведений, но ни одна из них так и не воплотилась в жизнь.

Веселье, однако, продолжалось. Мои агент и издатель переслали мне не один десяток писем, адресованных Трауту. Одно такое письмо было якобы от другого персонажа Воннегута, Харрисона Бержерона. Траута приглашали в качестве почетного гостя на Двухсотлетний Литературный Взрыв во Франкфорте, штат Кентукки. Редактор альманаха «Современные авторы» прислала письмо, в котором спрашивала, можно ли включить Траута в сборник 1976 года. Она пожаловалась, что хотя перу Траута якобы принадлежат 117 романов, она смогла найти лишь ссылку на «Венеру на половинке раковины». «Такое впечатление, — писала она, — что Килгор Траут — это псевдоним. Не раскроет ли Ваш агент настоящее имя автора?».

От имени Траута я заполнил присланные ею анкеты и через моего агента отправил их ей. Я объяснил, что все мои романы изначально были опубликованы бесчестными и безответственными издателями, которые ни только не выплати-

ли мне ни цента гонораров, но даже не внесли плату за регистрацию моих книг в Библиотеке Конгресса США. Я не проверял бюллетень 1976 года, но сильно сомневаюсь, что редактор включил туда имя «Траут».

Однако со временем меня обеспокоило недовольство Воннегута по поводу того, что люди могут подумать, будто автором «Венеры» был он. В то же время, я не мог уразуметь, с какой стати ему быть недовольным тем, что люди могут подумать, будто «Венеру» написал он, потому что люди знали, что его перу принадлежат такие вещи как «Завтрак для чемпионов», «Балаган», «Тюремная пташка» и «Малый Не Промых».

Чтобы распусть слух о том, что автор «Венеры» — это я, а не Воннегут, я при первой же возможности раскрывал правду и, выступая на семинарах и конференциях, из кожи вон лез, чтобы поднять эту тему. Я делал то же самое, когда у меня брали интервью на радио и телевидении. Насколько эффективно сработала машина слухов, я не знаю. Теперь это, сдаётся мне, уже не имеет никакого значения. Время давно устранило проблему. В последние несколько лет, выступая в университетах и колледжах, я обнаружил, что только четверо или пятеро в аудитории из 500—800 человек знают имена Траута или Воннегута. А один мой поклонник рассказал мне, что когда он после встречи с читателями спросил Воннегута о «Венере», Воннегут ничего о ней не помнил, включая и мое имя. Поэтому, как бы критически он ни был настроен в свое время в отношении «Венеры», время это окончательно ушло.

Я хочу поблагодарить мистера Воннегута за его щедрость, проявившуюся в том, что он разрешил мне опубликовать «Венеру» под именем Килгора Траута. Мне жаль, если это причинило ему какие-то неудобства. Но еще больше мне жаль, что он так и не понял, что «Венера» была моей данью уважения ему и знаком признательности за тот восторг, который подарили мне его книги, вышедшие до 1975 года.

В течение нескольких лет я пытался издать «Венеру» под моим именем. Наконец, это произошло. И, пусть недолго, но, к моему великому удовольствию, я был Килгором Траутом.

Филип Хосе Фармер, 1988 год